

К концу 1957 года на московском Олимпе утвердились новые политические фигуры. 17 декабря Пленум ЦК избрал секретарем ЦК и полномочным членом Президиума узбека Нуриддина Мухитдинова. Одновременно с ним секретарями ЦК КПСС стали уже избранные ранее в Президиум украинец Алексей Кириченко и горьковский секретарь обкома Николай Игнатов. 19 декабря еще одного нового члена Президиума ЦК, 49-летнего Фрола Козлова, назначили Председателем правительства Российской Федерации. По тем временам пост не ахти какой, но удобный, как трамплин для прыжка в высшую власть. Козлов – человек не улыбочивый, жесткий, даже жестокий, властный, четкий. Отец ему доверял, на него рассчитывал, но они не подружились, хотя и ходили в гости друг к другу довольно часто.

Почти одновременно, 26 декабря, из Москвы в Казахстан отбыл на поправку дел после нынешнего неурожая секретарь ЦК КПСС Николай Беляев. Там его избрали Первым секретарем республиканского ЦК, но для придания большего веса из секретариата московского ЦК не исключили, правда только формально. Теперь на Старой площади заниматься сельским хозяйством поручили Игнатову.

Об Игнатове я уже писал. Добавлю лишь, что его самомнение о собственных способностях и возможностях никак не совпадало с мнением окружающих, но он этим не интересовался. Человек напористый, хитрый, склонный к интриге, Игнатов не сомневался в своем предназначении, на первое место пока не замахивался, но видел себя «серым кардиналом», реальным вершителем дел в стране. Но это пока лишь в мечтах. В кабинете второго, после отца, секретаря ЦК КПСС обосновался Кириченко.

Так, после бурных июньских событий и тихого устранения Жукова, завершилось формирование нового состава власти. Прошли не просто пересадки: аморфное «коллективное» руководство, признававшее лидерство отца и одновременно на него постоянно покушавшееся, сменилось привычной российской властной пирамидой. На ее вершине располагался Хрущев, чуть ниже разместились «ближние бояре», а далее, по убывающей – остальные структуры и облеченные властью лица.

На первенствующее положение отца на этом этапе никто не покушался, борьба в московской иерархии развернулась за второе место. Второе, которое позволяло рассчитывать со временем и при некоторой удаче выйти в первые. Соревновались трое: Кириченко, Игнатов и чуть отставший от них Козлов. Кириченко с самого начала получил «фору».

Формально такого понятия, как второй секретарь ЦК КПСС в 1957 году и последующие годы не существовало, но на деле среди всех равных секретарей выбирался один, кому поручалось в отсутствие Хрущева председательствовать на заседаниях Президиума, на постоянной основе вести Секретариаты ЦК и заниматься всей «черновой» оргработой. В его руках сосредотачивалась каждодневная связь с обкомами, совнархозами, государственными комитетами и даже вооруженными силами – другими словами, реальные рычаги власти. Из всех так или иначе оказавшихся на московском политическом Олимпе, отец знал Кириченко лучше других, дольше других, доверял ему больше, чем остальным.

Отец знал, что Кириченко человек расторопный, энергичный и в меру преданный. Познакомились они на Украине еще до войны, когда в 1938–1939 годах сильно разреженные Сталиным партийные кадры стали восполняться быстро растущей молодой порослью. Тогда на обкомовский уровень выплыл директор металлургического техникума Брежнев, тогда

же появился во власти и Кириченко. Во время войны Кириченко стал, как и отец, членом Военного совета фронта, но не первым, а ступенью пониже. Брежнев в армейско-партийной иерархии оказался еще ниже, его назначили заместителем начальника Политического управления фронта, на две ступени ниже Кириченко. Звезд с неба Кириченко не хватало, но и командующим командовать не мешало, занимался своим делом политвоспитания. Отца уже тогда раздражало его фанфаронство, стремление нарядиться в генеральский мундир со всеми регалиями: золотыми погонами и пуговицами на серо-голубой парадной шинели, папахой, лампасами на брюках. Во время одного из посещений армии, куда Кириченко перевели из фронтового штаба Первым членом Военного совета, отец наткнулся на Алексея Илларионовича, «разряженного (по его словам) как петух».

– Ну что вы выставляете себя генералом? – выговаривал он Кириченко. Военные вас все равно за такового не почитают. Какой вы генерал? Держитесь скромнее.

Кириченко не возражал, но привычек своих не изменил. Только, заслышав о приезде отца, быстро переодевался в одежку попроще.

Отец даже на фронте положенной ему военной формы стеснялся, считал присвоенное ему генеральское звание уступкой обстоятельствам. Он, как правило, одевался летом в защитного цвета комбинезон без погон, а зимой в такой же полушубок, тоже без погон. Это не означает, что он вообще игнорировал форму, когда следовало и куда следовало он являлся одетым по армейскому уставу.

В деловой обстановке с Кириченко мне сталкиваться не пришлось. Какие дела между студентом, а потом рядовым инженером КБ и Секретарем ЦК? Судачили, что он груб, заносчив и не всегда распорядителен. В домашней обстановке Кириченко запомнился мне шумливым, жадноватым, но бесхитростным украинским дядькой.

Кириченко, как и отец, увлекался охотой. Они охотились вместе с другими товарищами отца по службе, одни составляли компанию в охотку, другие – в угождение. Среди охотников без кавычек кроме Кириченко назову маршалов Гречко и Чуйкова.

С Гречко отец познакомился еще в 1941-м, во время отступления. Чуйков пришел к ним на Сталинградский фронт позднее, осенью 1942 года, из Китая, где он служил советником у Чан Кайши. Самые тяжелые месяцы обороны города Чуйков с отцом просидели в одном подземном командном пункте на берегу Волги, «в норе», как называл его отец. В ней, на последнем, оставшемся за нами пятячке, бок о бок размещалось и командование Сталинградским фронтом, и командование «Чуйковской» 62-й армией.

Теперь, в 1957 году, Гречко командовал Сухопутными войсками, а Чуйков – Киевским военным округом. Как часто они встречались с отцом по делам, не знаю, а вот на охоту в выходные, а особенно во время отпуска сопровождали его регулярно.

Чуйков запомнился мне своей нелюдимостью, в компании он больше молчал. Гречко же – полная ему противоположность. Любой, даже серьезный разговор, он разбавлял остротой, заразительно смеялся, любил пошутить над другими, не отказывался посмеяться и над собой. Такие характеры редко встречаются среди генералов, а уж тем более – маршалов.

Именитые охотники после удачной или неудачной охоты, как и все охотники, любили похвастаться, а порой и обменяться ружьями. Одна разница – у именитых их было поболее и подороже, чем у обычного стрелка: тут и отечественные «тулки-ижевки», и заграничные-трофейные, разукрашенные насечкой немецкие «Зауэры», бельгийские «Маузеры», английские «Голанд-Голанд». У некоторых иногда попадались почти недостижимые, даже для именитых, ружья британской фирмы «Джеймс Перде с сыновьями» (James Purday and Sons). Понимающим эта марка говорит сама за себя. У отца таких ружей имелось целых два – предмет молчаливой зависти его товарищей-охотников.

Отец с удовольствием участвовал в ритуальных демонстрациях ружей и не чурался их обмена. Он любил ружья, но еще больше ему нравилось наблюдать за эмоциями охотников, следить, как загорались глаза при виде особо замечательного ружья.

Чуйков меняться не любил. Он молча отодвигал свои ружья в сторону: чужого ему не надо, но своего он не уступит. Гречко, напротив, немедленно устраивал базар, хватал ружья, выискивал в них дефекты, чаще мнимые, хаял их как мог и тут же нахваливал свой товар, балагурил. Процесс торга доставлял ему истинное удовольствие. Отец ему охотно подыгрывал, уличал в мелком жульничестве и тоже смеялся от души.

Кириченко всеми силами старался поддержать компанию, но при этом норовил, под смехок, выменять ружьишко с выгодой. Эту его черту все отлично знали. Гречко потешался над Кириченко как мог. Они недавно породнились, сын Кириченко Юра женился на одной из дочерей Гречко. Кириченко шуткам над собой не противился, ему лишь бы остаться с прибытком. Помню, как он «выменял» у отца его Перде, отдав за него завалящее немецкое ружьишко. Получив желаемое, еще не веря своему счастью, он схватил ружье и тут же унес его к себе в комнату. Откровенное «надувательство» расстроило всех участников «представления», Кириченко сыграл против правил.

– Ну что же вы так, Никита Сергеевич? – Воспользовавшись отсутствием Кириченко, без привычного смехачества проговорил Гречко. – У вас же «ружье», а у него...

Маршал искренне стремился разоблачить обман и «восстановить справедливость».

– Да бросьте вы, Андрей Антонович, – улыбнулся в ответ отец, – конечно, товар негодящий, но вы заметили, как у него глаза горели? Уж очень ему хотелось заполучить Перде. Пусть радуется. У меня еще одно такое ружье есть.

Гречко всем своим видом продемонстрировал несогласие с отцом, но хозяин – барин...

Вспоминается еще одно происшествие с участием тех же лиц. Гречко тогда командовал советскими оккупационными войсками в ГДР (до октября 1957 года) и в отпуск приезжал с карманами, набитыми всякими занятными заграничными безделушками: брелоками, зажигалками и другой подобной мелочью. Всякая заграничная вещица в те годы была в диковинку, страну окружала плотная завеса экономической блокады, с нами не торговали – никто и ничем. Конечно, если ты находишься на самом верху, найдется возможность что-либо как-либо купить для себя. Но при Хрущеве такое и в голову не приходило, а если бы и пришло кому-нибудь, то узнай отец о нарушении писаных и неписаных моральных законов-принципов, виноватому головы не сносить, в переносном, конечно, смысле. «Изобилие» спецмагазинов и спецбаз наступит при Брежневе.

Помню, как однажды на отдыхе в Крыму Гречко целый день изводил своего свата секретаря ЦК Кириченко невиданной в те годы газовой зажигалкой. Они оба пришли в гости к отцу. Андрей Антонович чиркал ею под носом у Кириченко, тут же гасил, прятал в карман. Кириченко ходил за ним как привязанный, попытался даже «по-родственному» выхватить зажигалку из рук Гречко. Но не тут-то было, двухметровый Гречко задирает руку под потолок: «Ну-ка отними!» – и при этом безудержно хохотал. К концу дня, выжав из зажигалки все возможное удовольствие, выжегши почти весь газ, он наконец смилостивился, вручил «сокровище» Алексею Илларионовичу. Оба разошлись довольные друг другом.

Где-то через неделю оба, Кириченко и Гречко, снова пожаловали к отцу. На сей раз Гречко появился в потрясающе дырчатой летней шляпе из соломки.

– По случаю достал, – с порога заинтриговал он Кириченко.

Тот «завелся» с пол-оборота. Повторилась история с зажигалкой: Кириченко отнимал шляпу у Гречко, тот убегал, прятал, закидывал шляпу повыше на дерево. Всё, естественно, со смехом, с прибаутками, но смех смехом, а заполучить шляпу Кириченко хотелось донельзя. Под занавес Гречко со словами: «Дарю, носи на здоровье», торжественно вручил шляпу Алексею Илларионовичу. Тот расцвел в довольной улыбке и тут же заглянул внутрь,

отыскивая этикетку с фирменной маркой. Гречко заговорщески подмигнул отцу. Кириченко глухим голосом прочитал: «Одесская шляпочная фабрика имени...» кого – не помню. Его лицо налилось обидой, он еле сдержался. Гречко же пришел в неопиcуемый восторг, шутка его удалась на славу. Отец смеялся до слез. Кириченко тоже вымучено заулыбался.

Зачем я все это написал, не знаю сам. Мелкие, порой досадные слабости и страстишки присущи каждому. Но что было, то было. Что же касается Кириченко, то он не оправдал ожиданий отца. В делах оказался человеком столь же мелочным, за считанные годы настроил против себя и москвичей, и руководителей регионов.